

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

ASYA
Sini

МАЖОР

для гордых

Asya Qui

Мажор для гордячки

«Литнет»

2025

Qui A.

Мажор для гордячки / А. Qui — «Литнет», 2025

Выглядываю из-за кофемашины. Джейден уже занял столик у окна и изучает меню.— Там новый посетитель, — Джина кивает в его сторону. — В твоей зоне. Конечно. Его столик именно в моей зоне. Вселенская ирония.— Поменяемся зонами? — умоляюще смотрю на неё.— Зачем? — она хмурится. — У меня шесть столиков, а у тебя только три. Не выдумывай.— Ладно, забей, — вздыхаю. — Я сама разберусь. Выхожу из-за стойки, распрямляю спину, задираю подбородок. Внутри всё дрожит, но показывать это я не собираюсь. Этот засранец разрушил мою жизнь. Он назвал меня шлюхой. Он не поверил мне, когда я нуждалась в этом больше всего. И теперь он сидит здесь, в моём новом убежище, как ни в чём не бывало.

© Qui A., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Вестбридж	5
Глава 2. Увольнение	7
Глава 3. Суд	10
Глава 4. Ник	12
Глава 5. Свидание?	15
Глава 6. Правда	19
Глава 7. Встреча	22
Глава 8. Братский совет	25
Глава 9. Домашняя терапия	28
Глава 10. Ни-че-го. Не было	30
Глава 11. Ожидание	32
Глава 12. Подвезти	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Вестбридж

Ручка ползет по бумаге, оставляя унылый синий след. Девяносто два дня. Ровно столько прошло с того дня, как все покатилося к чертям.

Стоит закрыть глаза, и я снова там. Кабинет директора Коллинза. Громоздкий стол из темного дерева, отполированный до блеска. Запах дорогого одеколона – наверное, его – и еще чего-то химического, полироли. В воздухе висит напряжение. И восемь пар глаз. Все смотрят на меня. Не как на студентку, а как на грязь под ногтями. Коллинз – седой, холеный, с ледяным взглядом из-под дорогих очков. И она. Фотка, где я просто поднимаю с пола этот чёртов телефон.

«Мисс Грей, комиссия единогласно пришла к выводу, ваше поведение несовместимо с моральным кодексом университета Беркли».

Пять минут. Им хватило пяти минут, чтобы сломать мне все. Мои объяснения? Моя версия? Да кому она нужна. Никто даже не сделал вид, что слушает. Просто приговор. И указание на дверь.

— Ты пишешь что-нибудь?

Голос Зои выдергивает меня обратно в эту серую аудиторию. Она тычет мне под нос своей ручкой.

— Моя сдохла. Дашь потом списать? Конспект нужен для зачета.

— Ага, — бормочу.

Только потом соображаю, что сама толком ничего не записала. Прекрасная пара тупиц — у одной ручка не работает, у другой мозги.

Зои — единственный человек, с которым я общаюсь в Вестбридже. Не то чтобы мы прямо подруги навек, скорее две случайно столкнувшиеся девчонки в этой дыре, которую местные гордо называют "колледжем".

— ...таким образом, при расчете индекса потребительских цен мы должны учитывать сезонные колебания рынка в процентном соотношении к общей утвержденной корзине товаров и услуг...

Голос Гринберга убаюкивает. Его можно записывать и продавать как средство от бессонницы. Снова сравниваю его с Дэвидсоном из Беркли. Вот это был препод! Острый ум, каверзные вопросы, заставлял мозги скрипеть. А здесь? Унылое бормотание по методичке. Гринберг боится отойти от текста на полшага.

Черт. Опять. Опять сравниваю. Обещала себе – хватит. Но это как дурная привычка. Каждый раз срываюсь.

— На сегодня все, — Гринберг захлопывает свою потрепанную папку. — Напоминаю про эссе к следующему понедельнику. Три тысячи слов, анализ ключевых факторов ценообразования для монополистического рынка...

Дальше не слушаю. Запихиваю тетрадь и ручку в рюкзак, который и так трещит по швам. Надо успеть домой, переодеться перед сменой в кафе. Еще один вечер улыбок и «вам какой сироп добавить?».

— Ты похожа на труп, — заявляет Зои, когда мы выбираемся в коридор, забитый студентами.

— Ночная смена, — отмахиваюсь, подавляя зевоту. — Легла в четыре утра, встала в шесть.

Моя жизнь теперь – это бесконечный марафон. Учеба – работа – учеба – работа. Иногда ночная подработка в супермаркете на выкладке товара. Сил хватает только на то, чтобы не свалиться по дороге. Выходные? В моей жизни их больше не существует.

Коридор Вестбриджа — эталон посредственности. Серые стены, убогие плакаты "Стремись к мечте", пожелтевшие от времени. Половина студентов зомбированно пялится в телефоны, другие обсуждают, кто кого трахнул на последней вечеринке. Для них учёба — досадная пауза между пьянками.

— Может, в субботу в «Белугу» ходим? — Зои тормозит у автомата с газировкой, выгребая мелочь из кармана. — Там какая-то местная группа играет. Говорят, ничего так.

Перекидываю тяжелый рюкзак на другое плечо.

— Не выйдет. Эссе на понедельник, плюс у меня смена в кафе...

— Да блин, Эви! — Зои картинно закатывает глаза. — Ты вообще в курсе, что кроме учебников и кофемашины мир существует? Люди, музыка, ну хоть что-то, от чего можно получить удовольствие?

— Людей я вижу каждый день, спасибо. Иногда слишком много. И слишком близко.

— Ой, какая ты язва, — она скрещивает руки на груди. — Seriously. Так нельзя. Ты себя в могилу загонишь раньше, чем диплом получишь. Хоть раз бы оторвалась.

— Ладно, посмотрю, — киваю, заранее зная, что вру. Никуда я не пойду.

Мы идём дальше, и тут мой взгляд цепляется за стенд с газетами. Среди местной макулатуры выделяется глянцевая обложка "Беркли Дейли".

И на обложке...

О, нет. Только не это.

Джейден.

Улыбается своей фирменной полуухмылкой – наглой, самоуверенной. Безупречный горнолыжный костюм, сверкающие на солнце горы на фоне. Идеальный мир идеального наследника.

Сердце пропускает удар, а потом начинает колотиться так, что отдаёт в висках. Три месяца. Девяносто два дня я заставляла себя не думать о нем. Не вспоминать. Не произносить его имя даже мысленно. И вот он. Смотрит на меня с обложки глянцевой бумажки. Смеется над моей жалкой жизнью здесь, в этой дыре.

Желудок скручивает так сильно, что к горлу подкатывает тошнота. Перед глазами вспыхивают картинки: его губы на моих, жадные, требовательные; его руки на моей талии, на бедрах; его ледяной взгляд тогда, в «Розе»...

«Сколько мне нужно заплатить, чтобы ты раздвинула ноги?»

— Эви? Эй! Ты чего? — Зои трясет меня за плечо. Вздрагиваю, возвращаясь в реальность. — Ты бледная как смерть. Тебе плохо?

— Все нормально, — мотаю головой, заставляя себя отвернуться от проклятой газеты. — Просто... голова закружилась.

— Тебе реально надо отдохнуть, — хмурится. — Нельзя так пахать без остановки. Сгниешь же.

Может, она и права. Я на износе. Ем кое-как, сплю по четыре часа. Но как иначе? Брэдли, конечно, помогает деньгами, переводит что-то каждый месяц. Но я стараюсь откладывать почти все — на черный день.

— Мне на смену пора, — смотрю на часы на телефоне. — Увидимся завтра?

— Ага, — машет Зои. — И подумай насчет субботы! Ну пожалуйста!

Киваю и быстрым шагом иду к выходу. Боюсь снова посмотреть на стенд. Но его лицо уже отпечаталось в мозгу. Джейден Монтгомери. Живет своей сказочной жизнью наследника миллионов, катается на лыжах, красуется на обложках. А моя жизнь разбита вдребезги.

Как же я его ненавижу. Всей душой.

Глава 2. Увольнение

Толкаю тяжелую стеклянную дверь кофейни. В нос сразу бьет знакомый запах – горьковатый аромат свежемолотого кофе, приторная сладость ванильного сиропа и что-то сладкое. На секунду замираю, вдыхая полной грудью.

— Явилась, не запыхалась, — голос Мэгги, нашей старшей по смене, вырывает меня из минутного ступора. Она стоит за стойкой, подбоченившись, и сверлит меня взглядом поверх очков. — Часы дома забыла? Быстро переодевайся и на кассу. Живо!

— Лекция задержалась, извини, — бормочу, прошмыгивая мимо нее в тесную подсобку и запихивая рюкзак в узкий металлический шкафчик.

— Ну да, ну да, конечно, — фыркает Мэгги, поправляя свои кудри. — Как и в прошлый раз, и позапрошлый. Шевелись давай, у меня скоро поставка молока, а тут ты телепаешься.

Натягиваю форменный фартук. Завязываю тесемки на спине. Выхожу к стойке, и меня тут же затягивает в привычный водоворот. Очередь уже растянулась до двери – человек семь, не меньше. У всех одинаковые лица «дайте-кофе-иначе-умру» или «убью-всех-вокруг».

— Большой латте, миндальное молоко, двойной эспрессо, без сахара, — первый клиент, какой-то офисный клерк в мятом костюме, бубнит заказ, не отрывая глаз от телефона. Даже не смотрит на меня.

— Одну минуту, — выдавливаю стандартную улыбку и пробиваю заказ на кассе.

Мозг переключается в режим автопилота: улыбка – принять заказ – пробить чек – взять деньги – отсчитать сдачу – пожелать хорошего дня – следующий. Улыбка – принять заказ...

Вот за что я, наверное, терплю эту работу – она позволяет отключиться. Никаких мыслей про Беркли, про Джейдена, про то, где взять денег на оплату квартиры. Только кофе, молоко, сиропы и бесконечный поток людей, которым нужен кофеин. Прямо сейчас.

Час пролетает как одна минута. Пальцы уже ноют от кнопок кассы, шея затекла от постоянных кивков и «приходите еще». Но все равно это лучше, чем ночная смена в супермаркете, где я таскаю тяжеленные ящики с консервами или мешки с картошкой. После таких ночей все тело ломит так, что утром встать не могу. Здесь хотя бы физически не так тяжело.

Поток людей наконец редет. Можно выдохнуть. Протираю стойку тряпкой.

Дзынь! Колокольчик над дверью оповещает о новых посетителях. Автоматически поднимая голову, дежурная улыбка уже наготове. И улыбка сползает с лица. Внутри все холодеет.

Четверо. Четыре парня в одинаковых темно-синих куртках с эмблемой Беркли на рукаве заваливаются внутрь. Громкие, наглые, с этими самодовольными рожами богатеньких сынков.

Сердце ухает куда-то вниз, в пятки. Нет, это не Джейден и его компания. Лица незнакомые. Просто какие-то левые студенты. Но эта эмблема... от нее желудок сводит спазмом. Хочется развернуться и спрятаться в подсобке. Сделать вид, что меня здесь нет. Но я на работе. Нельзя.

— Чем могу помочь? — снова натягиваю улыбку.

— Четыре капучино, побыстрее, — бросает самый высокий, с зализанными назад светлыми волосами. Тоже пялится в свой телефон. Они все как под копирку.

— Хорошо, — пробиваю заказ. — Имя для заказа?

— Кевин, — наконец поднимает голову, и его взгляд скользит по мне. И вдруг замирает. Он узнал. Прищуривается, а потом его лицо расплывается в мерзкой, понимающей ухмылке. — Стоп. А я тебя знаю.

Сердце колотится так, что стучит в ушах. Нет, нет, нет. Только не это. Пожалуйста.

— Ты же... та самая! — он щелкает пальцами, привлекая внимание своих дружков. — Девка из «Розы»! Которая там отсасывала за бабки! Помните фотки?

Кровь отливает от лица. В ушах звенит. В кофейне вдруг становится оглушительно тихо. Слышно только, как гудит холодильник с десертами. Чувствую на себе взгляды – от парочки за соседним столиком, от женщины с ребенком у окна. Все смотрят.

— Вы ошибаетесь, — голос едва слышен. Руки начинают мелко дрожать.

— Да ладно врать! — гогочет этот Кевин. Он поворачивается к своим придуркам. — Пацаны, ну вы же помните? Те фотки гуляли по всему кампусу! Она там на коленях перед каким-то мужиком.

Его дружки начинают ржать в голос. Один тут же лезет в телефон. Ищет? Он сейчас найдет эти чертовы снимки? Те самые, которые разрушили мне жизнь?

— Я никогда... ничего такого не делала, — шепчу, чувствуя, как к глазам подступают слезы унижения.

— Ну да, конечно, — Кевин нагло подмигивает своим дружкам, потом снова поворачивается ко мне. — Слушай, а четыре капучино у тебя можно просто так заказать? Или надо сначала ширинку расстегнуть?

Удар под дых. Воздуха не хватает. Его дружки просто заходятся от смеха. По кофейне пробегает шепоток. Все смотрят. Обсуждают. Я сейчас умру. Прямо здесь. От стыда.

Краем глаза замечаю движение – из подсобки выходит Мэгги. Ее лицо недовольное.

— Что здесь за шум? — она переводит взгляд с меня на ржущих парней.

— Ничего, Мэгги, — выпаливаю, чувствуя, как горят щеки. — Я просто...

— Слушайте, а можно нас обслужит кто-то другой? — перебивает меня Кевин, все еще ухмыляясь. — А то как-то стремно пить кофе, который готовила девка, которая недавно...

Внутри что-то взрывается.

— Заткнись! — бью кулаком по стойке. Чашки на ней подпрыгивают. — Просто заткни свою грязную пасть! Урод!

— Эвелин! — Мэгги подлетает ко мне, хватая за локоть стальной хваткой. — А ну прекрати! Не смей орать на клиентов!

— Да они издеваются! — вырываюсь из ее захвата. — Они...

— В мой кабинет! Немедленно! — глаза Мэгги мечут молнии.

Щеки пылают. Иду в тесную подсобку, спиной чувствуя смех этих ублюдков. Слышу, как Мэгги рассыпается перед ними в извинениях. «Простите, мальчики, новенькая, невоспитанная... сейчас разберемся...».

В голове гудит. Мэгги влетает следом и захлопывает дверь.

— И что это было?! Что за цирк ты устроила?! — она скрещивает руки на груди, глядя на меня сверху вниз.

— Эти придурки... они меня... — начинаю, но она обрывает.

— Эти «придурки» – наши клиенты! — лицо Мэгги наливается краской. — А клиент всегда прав! Мне плевать, что они тебе там сказали! Ты работаешь в сфере обслуживания! Ты должна улыбаться и молчать, даже если тебя поливают дерьмом! Ясно?!

— Да они меня шлюхой выставили! Перед всеми! — голос срывается. Во рту пересохло от злости и обиды.

— Это уже третий твой косяк за этот месяц, Грей, — Мэгги игнорирует мои слова. — Сначала разбитый поднос с посудой. Потом та истерика с девушкой, которая просто сказала, что кофе холодный...

— Она не «просто сказала»! — задыхаюсь от возмущения. — Она мне этот кофе в лицо выплеснула!

Мэгги молча подходит к своему столу, выдвигает ящик и достает белый конверт.

— Мне очень жаль, Эвелин, — ее голос становится ледяным. — Но я тебя увольняю.

Увольняет. Вот так просто.

— Здесь твоя зарплата за отработанные дни, — она протягивает мне конверт. — Можешь забрать свои вещи и идти. И чтобы ноги твоей здесь больше не было.

Внутри все обрывается. Пустота. Эта работа... это почти половина моего дохода. Как я теперь буду платить за квартиру? За учебу? На что жить?

— Мэгги, пожалуйста, — голос звучит жалко, умоляюще. Ненавижу себя за это. — Мне очень нужна эта работа. Я больше не буду... Пожалуйста...

— Решение принято, — она отворачивается, садится за компьютер. — Можешь идти. Удачи, Эвелин.

Молча беру конверт. Хватаю свой рюкзак. Стягиваю дурацкий фартук, комкаю его и бросаю на стул. В голове – звенящая пустота. Ни мыслей, ни чувств. Только тупая боль где-то в груди.

Выхожу через служебный вход, на задний двор, заваленный мусорными баками. Не хочу снова видеть рожи тех ублюдков у кассы. Не хочу видеть сочувствующие или осуждающие взгляды других посетителей.

Сажусь на холодную ступеньку у двери. Смотрю на свои потертые кроссовки. Куда теперь? Что делать?

Снова все сначала. Опять искать работу. Опять объяснять, почему ушла с предыдущей.

И всё из-за той чёртовой фотографии. Если бы я могла вернуться в тот вечер и просто не пойти на работу... Если бы не наклонилась подобрать этот грёбанный телефон Маркуса... Если бы Джейден поверил мне, а не тому, что увидел... Сколько чёртовых "если бы".

Глава 3. Суд

Два месяца назад

Джейден

Воздух в зале суда спертый, тяжелый. Пахнет пылью, дешевым парфюмом и чужим страхом. Сажу на самой задней скамье, кепка надвинута почти на глаза. Максимально незаметно. Ни одна собака не должна узнать, что Джейден Монтгомери приперся на этот цирк. Особенно на процесс над сыном папашиного бизнес-партнера. Новость разлетится быстрее, чем лесной пожар, а мне лишние заголовки в прессе нахрен не сдались. Отец и так уже на взводе последнее время.

Вижу впереди затылок Коэна. Идеально уложенные волосы, дорогой костюм. Как всегда, безупречен. Рядом с ним – Брэдли. Коэн постарался, этот парень сегодня выглядит почти прилично. В таких местах внешний вид решает если не все, то половину точно.

А вот и он. Рик. Главный герой. Сидит с каменным лицом, пытается изображать пофигизм. Только руки дрожат так, что даже отсюда видно. Хреновый из него актер. Рядом с ним какой-то зачуханный тип в мятом костюме. Адвокат? Похоже, слухи не врал – папаша Рика реально кинул своего отпрыска.

— Встать, суд идет!

Поднимаюсь вместе со всеми. Руки глубже в карманы джинсов, голову опускаю ниже. Только бы не спалили. Какого черта я вообще здесь делаю? Мог бы узнать результат по телефону от Коэна. Но... что-то дернуло приехать. Хотел увидеть сам.

Судья не тянет резину. Все быстро, по делу. Зачитывает какие-то бумаги монотонным голосом. Обвинение. Показания свидетелей. Бла-бла-бла. Я почти не слушаю. Жду главного.

— ...признать Ричарда Донована младшего виновным, назначить наказание в виде лишения свободы сроком на тринадцать лет с отбыванием в колонии строгого режима. Право на условно-досрочное освобождение не ранее чем через пять лет.

По залу проносится тихий гул. Уголки моих губ сами собой ползут вверх. Тринадцать лет. Неплохо. Совсем неплохо. Жизнь – та еще сука, Рик. Иногда за свои поступки приходится платить по счетам.

Поднимаю глаза, ищу взглядом Рика. Его лицо становится белым как бумага. Губы дрожат, хотя он изо всех сил пытается сохранить невозмутимый вид. Глаза бегают. Дошло. Наконец-то дошло. Еще вчера – король жизни, сынок богатого папочки, которому все сходит с рук. А сегодня – зэк, который ближайшие тринадцать лет будет хавать баланду и спать на шконке. Никаких больше шелковых простыней и элитных шлюх. Только холодные нары и компания таких же ублюдков.

Коэн оборачивается, ищет меня глазами в толпе. Коротко киваю ему. Дело сделано. Ублюдок получил по заслугам.

Выскальзываю из зала, пока народ не хлынул к выходу. На улице мороз щиплет щеки. Декабрь. Ветер пронизывает до костей даже через дорогое пальто. Подхожу к своей тачке, нащупываю в кармане ключи.

— Монтгомери.

Черт. Знал же, что не надо было сюда ехать. Брэдли. Стоит в паре шагов, руки сжаты в кулаки. Глаза горят чистой, незамутненной ненавистью.

— Значит, все-таки пришел, — он делает шаг ко мне. От него волной исходит агрессия.

— Хотел убедиться, что эта мразь получит то, что заслужил.

Брэдли криво усмехается. Его кулак прилетает неожиданно. Резкий, хлесткий удар в скулу. Голова дергается в сторону, но я стою на ногах. Не защищаюсь. Не уворачиваюсь. Не бью в ответ.

Второй удар – в челюсть. Зубы клацают. Во рту мгновенно становится солоно и тепло. Сплювываю кровь на чистый, только что выпавший снег.

Третий – прямо в солнечное сплетение. Сгибаюсь пополам, хватая ртом ледяной воздух.. В глазах темнеет.

— Она говорила правду, — Брэдли нависает надо мной, дышит тяжело.

Медленно выпрямляюсь. Снова сплевываю кровь.

— У меня были причины ей не верить.

— Какие, нахрен, причины?! — он почти рычит. — Эти ублюдские фотки?! Где даже лица толком не разобрать?! Ты поверил этой херне?!

Молчу. А что тут скажешь? Да, поверил. И до сих пор верю.

— Она плакала тогда, знаешь? — его голос становится тише, но от этого еще злее. — Не из-за того, что ее из Беркли вышвырнули. Из-за тебя. Потому что ты, мудак, ей не поверил.

Его слова бьют сильнее кулаков. Где-то внутри что-то неприятно сжимается. Но я тут же давлю это чувство.

— Надеюсь, я тебя больше никогда не увижу, Монтгомери, — он отряхивает руки, будто только что дотронулся до чего-то грязного. — И благодарностей не жди. Я сто раз говорил Коэну, что мне твои подачки не нужны. Но ты же у нас благодетель хренов.

Он разворачивается и уходит, не оглядываясь.

Месяц. Прошел всего месяц с того разговора с Эви в «Розе». А меня до сих пор кроет, когда вспоминаю. Злость поднимается. Но злюсь не на то, что она оказалась... шлюхой. Не в этом дело. Злюсь, что врала. Смотрела своими огромными честными глазами и врала мне в лицо. Могла бы сразу сказать правду. Сказать: «Да, Джейден, я сплю с мужиками за деньги, потому что мне надо как-то выживать». Я бы, может, и понял. Но нет. Она строила из себя невинность.

Хлопает дверь здания суда. Коэн. Идет ко мне, на ходу доставая сигарету из пачки.

— Ну и рожа у тебя, — констатирует факт, протягивая мне пачку. — Брэдли постарался?

— Угу, — отказываюсь от сигареты. Касаюсь пальцами разбитой губы. Уже начинает опухать.

— Все прошло даже лучше, чем мы ожидали, — Коэн прикуривает, выпускает облако дыма. — Судья оказался принципиальным. Я думал, Рик максимум лет восемь получит. А тут тринадцать.

— Ага. Мне пора, — поворачиваюсь к своей машине.

— Счет прислать на обычный адрес?

— Да.

Сажусь в тачку. Кожаные сиденья холодные. Не спешу заводить мотор. Слова Брэдли стучат в висках: «Она плакала из-за тебя». Какого хрена меня это так цепляет? Почему мне не насрать?

Эви лгала мне. Я уверен. Я видел фотки. Видел, чем она занималась в «Розе». Чего она ждала? Что я поверю в ее сказки про «подняла телефон»?

Достаю телефон. Открываю галерею. Вот она. Та самая фотография. Дерьмовое качество, размытое изображение. Но суть понятна. Эви. На коленях. Между ног какого-то мужика. Голова опущена. Что она там делает? Неужели...

Увеличиваю снимок. Лиц почти не видно. Ни хрена не понятно. Закрываю галерею. Швыряю телефон на пассажирское сиденье. Он отскакивает и падает на коврик. Похер.

«Я просто наклонилась поднять телефон».

Завожу машину. Мощный двигатель отзывается ровным гулом. Вдавливаю педаль газа в пол. Резина визжит по асфальту. Надо гнать. Гнать отсюда. Гнать мысли о ней из головы. Давно пора. Она – прошлое. Грязное, лживое прошлое.

Глава 4. Ник

Эви

Ключ снова заедает. Третий раз за неделю вожусь с этим замком. Наш хозяин клялся починить его еще месяц назад. «На днях зайду, деточка, все сделаю». Ага, как же. Жди. Наконец поддается с противным скрежетом. Толкаю обшарпанную дверь и вваливаюсь внутрь.

Наша «квартира». Крошечная студия, шестнадцать квадратных метров.

Бросаю рюкзак прямо у порога. Сил нет даже дотащить его до дивана. Снежок – белый пушистый комок наглости, которого Брэдли подобрал на улице месяц назад – открывает один изумрудный глаз с дивана, окидывает меня презрительным взглядом и снова засыпает. Король мира, не иначе.

— И тебе привет, Ваше Величество, — бурчу, щелкая выключателем. Тусклая лампочка под потолком мигает пару раз и загорается, заливая комнату желтоватым светом.

На столе замечаю записку, нацарапанную знакомым размашистым почерком:

«Мелкая, буду поздно. Пицца в холодосе. Не скучай».

«Поздно» на братском языке обычно означает «я у Лизы, вернусь к утру, если вообще вернусь». Лиза – его новая пассия. Парикмахерша из салона через дорогу. Кажется, у них все серьезно, раз Брэд почти переехал к ней жить. Ну и хорошо. Пусть хоть у него все будет нормально.

Открываю наш дребезжащий холодильник. Коробка с пиццей занимает почти все место. Рядом сиротливо жмутся пакет молока на последнем издыхании и пара яиц. М-да, не густо. Хватаю холодный, заветренный кусок пепперони и плюхаюсь на диван рядом со Снежком. Кот недовольно мяукает, но не уходит. Пицца резиновая, невкусная, но желудок урчит так, что готов переварить и картонку от нее.

Жую без аппетита, тупо глядя в стену. Телефон пиликает. Брэдли.

«Как дела, мелкая? День норм прошел?»

Палец зависает над экраном. Рассказать ему, что меня выперли с работы? Что я теперь без денег и без понятия, что делать дальше? Нет. Не хочу портить ему вечер. У него с Лизой все только налаживаться начало. Разберусь сама. Не маленькая.

«Все ок. Не парься.»

Отправляю и откладываю телефон.

Доедаю пиццу. Бросаю пустую коробку на пол рядом с диваном. Потом уберу. Может быть. Сил нет даже до мусорки идти.

Иду в ванную. Стою под душем. Горячей воды, как обычно, хватает минут на пять. Потом она резко становится ледяной. Вздрагиваю, но продолжаю стоять. Может, холодная вода смывает эту усталость и липкое чувство унижения после увольнения? Нет. Ни фига она не смывает. Только зуб на зуб не попадает.

Вылезаю, дрожа от холода. Вытираюсь старым, жестким полотенцем, которое давно пора пустить на тряпки.

Плюхаюсь обратно на диван. Снежок тут же запрыгивает ко мне, сворачивается клубком под боком и начинает мурчать, как маленький трактор. Теплый, мягкий.

— Ну вот, остались только ты и я, мохнатый засранец, — глажу его по шелковистой шерстке. Глаза сами собой слипаются. Проваливаюсь в сон прямо в одежде.

Будильник орет прямо в ухо. Нашупываю телефон под подушкой. Шесть тридцать. Твою ж мать. Еще хотя бы десять минут... Просто десять минуточек сна...

Переворачиваюсь на другой бок, натягивая одеяло на голову. Но сон уже ушел. Осталась только тупая головная боль и ощущение, будто меня всю ночь били палками.

Снежок мирно дрыхнет в ногах, свернувшись в идеальный белый клубок. Завидую ему. Никаких пар в восемь утра, никакого Гринберга, никаких проблем с деньгами. Только есть, спать и греть свою пушистую задницу на солнце.

— Везет тебе, котяра.

Выползаю из-под одеяла. Ноги ватные. Пол ледяной. Ползу в ванную. Умываюсь ледяной водой – бойлер снова сдох. Или его просто отключили за неуплату? Надо бы проверить счета. Но от одной мысли об этом становится дурно.

Смотрю на себя в треснутое зеркало над раковиной. Под глазами темные круги. Лицо бледное, какое-то серое. Видок тот еще.

Вспоминаю вчерашнее увольнение. Мэгги. Этот конверт. Снова волна злости и отчаяния подкатывает к горлу. Надо искать новую работу. Срочно. Прямо сегодня. Но где?

Толкаю тяжелую дверь главного корпуса Вестбриджа. В коридорах еще почти пусто – до начала пар минут двадцать. Воздух пахнет пылью и хлоркой.

— Эви!

Оборачиваюсь. Ник. Стоит, прислонившись к стене у стенда с объявлениями. Как всегда, волосы в творческом беспорядке, на губах легкая улыбка, в глазах искорки. Высокий, симпатичный. От его улыбки, говорят, половина девчонок в колледже теряет голову. Но мне как-то не до этого.

— Привет, — поправляю рюкзак, который вечно норовит сползти с плеча.

— Занял стратегический пост, — он кивает на стенд. — Знал, что ты здесь появишься. Ты же всегда эти объявления изучаешь.

— Сталкерские замашки у тебя, Ник, — не могу удержаться от легкой усмешки.

Ник – единственный парень в Вестбридже с которым я могу нормально разговаривать. Он тоже перевелся откуда-то из Бостона. По слухам – вылетел за какую-то дикую пьяную выходку. Сам он об этом молчит. Зои уверена, что там была какая-то криминальная история, но мне кажется, она преувеличивает. Ник не похож на бандита. Скорее, на раздолбая с добрым сердцем.

Он отлепляется от стены, делает шаг ко мне.

— Ну что, может, сегодня повезет? согласишься наконец выпить со мной кофе? Или поужинать?

Опять двадцать пять. Он уже месяц подкатывает с этими предложениями. А я каждый раз отмазываюсь. Не потому, что он мне не нравится. Нравится. Он милый, забавный, с ним легко. Но... любое упоминание свиданий, отношений – и в голове сразу всплывает Джейден. Его лицо. Его руки. Его слова. Нет. Не хочу.

— Ник, я же говорила...

— Эви, — он подходит ближе. Голос становится тише. — Ну это же просто ужин. Или кофе. Или можем просто прогуляться. Не обязательно называть это «свиданием», если тебя это слово так пугает.

Смотрю в его карие глаза. В них столько искреннего интереса, какой-то мальчишеской настойчивости. Он ведь и правда старается. А я его все время отшиваю. Может, зря?

— У меня нет времени на развлечения, — говорю упрямо. — Мне учиться надо. И работать.

— А, ну да. Твоя кофейня, — кивает он. — Вечная отмазка.

Что-то внутри обрывается. Кофейня. Он же не знает. Никто не знает.

— Вообще-то... — начинаю и осекаюсь. Зачем ему это знать? Мы же даже не друзья.

— Что? — он тут же замечает перемену в моем голосе, в лице. Смотрит внимательно.

— Ничего, — отворачиваюсь, делаю вид, что изучаю объявления на стенде. «Требуется няня», «Продам гитару», «Сниму комнату»... Бесплезная макулатура.

Ник прислоняется плечом к стене рядом со мной.

— Знаешь, когда ты так морщишь лоб, разглядывая эти бумажки, у тебя появляется такая милая складочка между бровями, — он легко касается пальцем моего лба. Я вздрагиваю от неожиданности. — Вот здесь. Всегда думаю, о чем ты так напряженно размышляешь в этот момент.

Отступаю на шаг. Его прикосновение... слишком близкое. Слишком личное. Слишком напоминает другие прикосновения. Другие руки.

— Меня уволили, — выпаливаю вдруг, сама от себя не ожидая. — Вчера.

Его лицо сразу становится серьезным. Улыбка исчезает.

— Что случилось? Почему?

Рассказываю в двух словах. Про парней из Беркли, про скандал. Про фотки и «Розу» умалчиваю. Просто – конфликт с клиентами, крик, увольнение.

Ник слушает молча, не перебивая.

— Слушай, а хочешь... У меня тетка держит небольшой итальянский ресторанчик. «Ла Белла». Им как раз официантка нужна. Платит нормально, чаевые хорошие. Коллектив там дружный, клиенты в основном постоянные, приличные люди.

Смотрю на него с подозрением. Слишком удачно все складывается.

— И это просто так?

— Конечно, нет, — он снова улыбается, и на щеках появляются его фирменные ямочки.

— Это называется шантаж. Я тебе – наводку на работу. Ты мне – свидание.

— И часто прокатывает?

— Ты первая, на ком пробую, — он наклоняется ближе, понижая голос до шепота. — Эксклюзивное предложение. Только для тебя.

Не могу сдержать смех.

— Ты невыносим, Ник.

— Мне говорили, — он подмигивает и достает из кармана ручку и какой-то чек. Чиркает на обратной стороне адрес и имя. — Вот. Синьора Розетти. Скажешь, что от меня. Она тебя с руками оторвет, я пару слов замолвлю. Она мне верит.

Беру бумажку. Аккуратный, разборчивый почерк. «Ла Белла». Звучит неплохо. Итальянский ресторанчик... это точно лучше, чем кофейня с вечно недовольной Мэгги.

— И взамен – свидание? — поднимаю на него глаза.

— Одно. Честное слово, если тебе не понравится, если будет скучно хоть на секунду – отстану навсегда.

Где-то глубоко внутри голос разума шепчет: «Не соглашайся. Плохая идея. Никаких парней. Никаких свиданий». Но перед глазами снова всплывает обложка «Беркли Дейли». Улыбающийся Джейден на фоне гор. Он живет дальше. Катается на лыжах, улыбается фотографам. Может, и мне пора? Сделать шаг вперед? Хотя бы маленький.

— Ладно, — сдаюсь. — Одно свидание.

Лицо Ника озаряется такой счастливой, такой мальчишеской улыбкой, что я невольно улыбаюсь в ответ.

— Не пожалеешь! — он делает шаг назад. — Пятница? Семь вечера? Я заеду.

— Адрес я тебе вроде не давала.

— Ты удивишься, что я знаю, — снова подмигивает.

— Сталкер, — качаю головой.

Звенит звонок на пару. Ник машет мне рукой и направляется к нужной аудитории.

— До пятницы, Эвелин Грей!

Глава 5. Свидание?

Два часа. У меня осталось всего два часа до встречи с Ником, а я стою перед диваном, на который вывалила все свои шмотки, и понимаю, что надеть мне абсолютно нечего. Весь мой «богатый» гардероб умещается на одной половине продавленного дивана.

— Снежок, ну хоть ты посоветуй! — обращаюсь к коту, который развалился на подушке и с явным интересом наблюдает за моими метаниями.

Верчу в руках единственную приличную юбку – черную, короткую, купленную на распродаже еще в прошлом году. Может, ее? Нет, слишком... вызывающе? Это же не свидание. Точно не свидание. Просто дружеский ужин с парнем из колледжа. Ничего особенного. Чего я вообще так парюсь?

В итоге останавливаюсь на темно-синих джинсах – самых целых и не растянутых на коленках – и свободной кремовой блузке. Она вроде чистая и не слишком мятая. Верх приличия.

Смотрю на свое отражение в мутном зеркале в ванной. Ну да. Выгляжу как серая мышь. Уставшая серая мышь с темными кругами под глазами. Может, хоть накраситься немного?

Возвращаюсь в комнату, вытряхиваю на стол содержимое своей косметички. «Богатство» примерно такое же, как и с одеждой: старая тушь, почти закончившийся бальзам для губ и огрызок черного карандаша для глаз. Никаких тебе хайлайтеров, бронзеров и прочих модных штук.

Едва успеваю отложить карандаш, как в квартиру буквально влетает Брэдли. За пятнадцать минут до прихода Ника. Вот черт. Он резко тормозит в дверях, окинув меня быстрым взглядом с головы до ног. Его лицо моментально меняется – усталость сменяется подозрением.

— Ты куда-то собралась? — бросает свою потертую кожанку на спинку единственного стула.

— Да, встречаюсь с парнем из колледжа, — отвечаю как можно небрежнее, поправляя волосы перед маленьким зеркальцем на стене в прихожей.

— Свидание?! — его брови ползут на лоб. — С кем это?

— Его Ник зовут, — продолжаю изображать спокойствие. — И нет, это не свидание. Просто ужин.

Брэдли скептически хмыкает, доставая из холодильника банку пива.

— Ага, «просто ужин», — передразнивает он. — Парень зовет мою сестру ужинать вдвоем. Наверное, чисто по-дружески обсудить последние новости мировой экономики?

Закатываю глаза. Ну началось. Режим «старший брат-цербер» активирован.

— Иди к своей Лизе, а? Или тебе заняться больше нечем, кроме как лезть в мою личную жизнь?

— Как зовут, говоришь? Чем занимается? Откуда он вообще взялся? — Брэдли открывает пиво с характерным пшиком, полностью игнорируя мою просьбу отвалить.

Только открываю рот, чтобы ответить, как в дверь звонят. Брэдли мгновенно срывается с места и несется к двери. Вот же зараза! Не успеваю его остановить.

На пороге стоит Ник. Волосы сегодня чуть прилизаны, но все равно торчат в разные стороны. Улыбается своей обезоруживающей улыбкой, ямочки на щеках.

— Привет. Я за Эви.

Брэдли скрещивает руки на груди.

— Значит, ты – Ник.

— Он самый, — протягивает руку для рукопожатия. Брэдли демонстративно игнорирует этот жест. Ник неловко опускает руку. — Приятно познакомиться.

— И куда вы собрались? — Брэдли продолжает играть в злого следователя.

— Поужинать хотели. Может, потом прогуляться, если погода позволит, — Ник сохраняет дружелюбный тон. — Верну ее не поздно. До полуночи точно.

— До десяти, — отрезает Брэдли.

Твою ж мать. Он серьезно?

— Ты в курсе, что я уже совершеннолетняя? — выхожу из-за спины брата, сверля его злым взглядом. — Перестань вести себя так, будто мне пять!

— До одиннадцати, — нехотя уступает брат после секундной паузы. — И это мое последнее слово.

К моему удивлению, Ник только шире улыбается. Его эта ситуация, кажется, только забавляет.

— Без проблем. Договорились.

Хватаю свою сумку и буквально вытаскиваю Ника в коридор, пока Брэдли не придумал еще каких-нибудь правил.

— Прости за этот цирк, — говорю, когда мы спускаемся по лестнице, подальше от моего чербера. — Мой брат иногда включает режим папочки. Думает, что мне все еще нужно разрешение, чтобы выйти из дома.

— Да ладно, все нормально. У меня у самого три младших сестры. Это профессиональная деформация старшего брата.

Его машина выглядит так, будто проехала пару кругосветных путешествий. Местами ржавчина, краска облупилась. Но внутри на удивление чисто, хоть и пахнет слишком сильно каким-то цитрусовым освежителем. Видимо, пытался заглушить другой запах.

Разговор на удивление завязывается легко. Ник рассказывает про своих сестер-подростков — близняшек Эмму и Анну, и младшую Лили. Травит байки про школу — как они с друзьями подложили директору в кабинет живую курицу, как он чуть не вылетел из школы за подделку оценок. Рассказывает смешно, с самоиронией.

— Да ладно, врешь! — смеюсь, когда он доходит до истории про курицу.

— Клянусь! — Ник на секунду отрывает руку от руля и прикладывает к груди. — Ее потом всем педсоставом ловили по коридорам. А я получил две недели отстранения и вечную славу главного школьного хулигана.

Я хохочу так, что щеки болят. Не помню, когда последний раз так смеялась.

— Так куда мы едем?

— В мою любимую пиццерию. «Пьяцца». Там делают лучшую пиццу в городе, — Ник уверенно крутит руль. — А потом, если захочешь, можем прогуляться по набережной. Там сегодня какой-то фестиваль уличной еды. Музыка, толпа... должно быть весело.

Киваю. Звучит неплохо. Для не-свидания.

«Пьяцца» оказывается маленьким, уютным подвальчиком с кирпичными стенами, клетчатыми скатертями и фотографиями Италии на стенах. Пахнет чесноком, базиликом и выпечкой. За стойкой — колоритный пухлый итальянец с пышными усами, который радостно приветствует Ника, хлопает по плечу и что-то быстро лопочет по-итальянски. Нам достается столик у окна.

— Здесь реально божественная пицца, — Ник протягивает мне меню. — Попробуй «Дьявола». Острая, как огонь, но оно того стоит. Оближешь пальчики.

Следующий час пролетает незаметно. Мы едим пиццу, болтаем, смеемся. Ник рассказывает про свое путешествие автостопом по Европе после школы — как ночевал на вокзалах, как пробовал устриц во Франции, как потерял паспорт в Амстердаме и добирался домой через полконтинента без документов. Его истории захватывающие, немного безумные, но он рассказывает их так легко и весело.

А я... я неожиданно для себя начинаю рассказывать про свое детство в трейлерном парке. Обычно я эту тему обхожу десятой дорогой. Стыдно как-то. Но Ник слушает с таким непод-

дельным интересом, задает такие вопросы, что слова сами льются. И самое главное – в его глазах нет ни капли жалости или высокомерия. Просто интерес. Это так... непривычно.

После ужина выходим на набережную. Солнце уже садится, окрашивая небо и реку в нереальные розово-оранжевые цвета. Вокруг куча народу, играет музыка из разных палаток, смешиваясь в какой-то веселый хаос.

Мы бродим вдоль набережной с рожками мороженого в руках. Наши плечи иногда случайно соприкасаются, и от этих мимолетных касаний по коже пробегают мурашки. К Нику я определенно чувствую симпатию. Он хороший. Простой, понятный, без двойного дна. Полная противоположность... нет, не думать.

Доходим до площади, где развернулся фестиваль еды. Палатки с кухнями со всего мира. Запахи сводят с ума.

— Смотри, корейские блинчики кимчичжон! — Ник хватается меня за руку. — Надо попробовать! Обязательно!

Сама не замечаю, как мы застреваем здесь на добрый час. Пробуем мексиканские тако, вьетнамский фо бо, индийскую самосу, те самые корейские блинчики. Делимся порциями, спорим, что вкуснее, смеемся. С Ником так легко, так... нормально. Никаких игр, недомолвок, скрытых смыслов. Просто общение двух людей. Почему с Джей... Да что ж такое! Почему он постоянно лезет в голову?!

Мы идем дальше вдоль набережной, болтая о какой-то ерунде. Я почти расслабилась, почти забыла обо всем на свете. И тут мои ноги прирастают к асфальту.

Впереди, на парковке у небольшого, но явно дорогого ресторана, стоит машина. Черный Range Rover. Один в один как у Джейдена.

Нет. Нет. Этого не может быть. Просто похожая машина. Таких Рейнджей тысячи по городу. Вселенная не может быть настолько жестока, чтобы столкнуть нас здесь.

Но потом мой взгляд цепляется за номерной знак. Его номер. Точно его. Внутри все сжимается в ледяной комок. Он здесь. Где-то рядом.

— Эви? Что случилось? Ты чего застыла? — Ник замечает мою реакцию.

Не могу выдать ни слова. Ноги ватные, язык прилип к небу. Черт, черт, черт! Он здесь. Может быть, он сейчас выйдет? Увидит меня? С Ником?

— Нам... нам надо уйти отсюда, — выдыхаю наконец, дергая Ника за рукав. — Давай вернемся на площадь? Я еще хотела попробовать те тайские шашлычки...

— Ладно... — Ник смотрит на меня, потом на парковку, потом снова на меня. — Мы от кого-то прячемся?

— Нет! — отвечаю слишком быстро, слишком громко. — Просто... я вспомнила про шашлычки. Они так аппетитно выглядели. Пойдем скорее!

Ник явно мне не верит, но, слава богу, не настаивает. Мы успеваем сделать всего пару шагов назад, как стеклянные двери ресторана открываются, и...

Джейден.

Сердце проваливается куда-то в желудок, а потом подпрыгивает к самому горлу. Воздуха снова не хватает.

Он выглядит... иначе. Не так, как на той обложке. Волосы отросли, падают на лоб небрежными прядями. Лицо кажется уставшим, осунувшимся. Черты стали резче, жестче. Но это он. Без сомнений. Он разговаривает по телефону, хмурясь.

Инстинктивно втягиваю голову в плечи и прячусь за спину Ника. Чувствую себя последней трусихой. Но я не могу... я не готова его видеть.

— Так. И почему ты вдруг решила спрятаться за меня? — Ник оборачивается, смотрит то на меня, то на Джейдена, который идет к своей машине. — Этот парень – причина твоей внезапной паники?

— Я не прячусь, — вру неубедительно. — Просто... тут ветер дует.

— Ага, конечно, — уголки его губ дергаются. — Ты побледнела как полотно, а потом резко метнулась за мою спину, как только этот тип вышел из ресторана. Давай, Эви, колись. Что происходит?

— Просто... не хочу, чтобы он меня видел, — бормочу, не отрывая взгляда от Джейдена. Он садится в машину, все еще разговаривая по телефону.

Ник внимательно смотрит на меня, потом на отъезжающий Range Rover.

— Погоди-ка... — в его глазах вспыхивает догадка. — Это твой бывший?

— Нет! — отрезаю слишком резко. — Мы не встречались. Никогда.

Технически – это правда. Мы не «встречались». Мы просто целовались до головокружения в темных углах. Лапали друг друга при каждом удобном случае. Я один раз мысленно примерила его фамилию... Но парой мы не были.

Джейден заводит мотор и выезжает с парковки. Я наконец могу выдохнуть. Все это время я стояла, затаив дыхание.

— Понятно, — Ник смотрит на меня с неожиданной проницательностью. — Какая-то сложная история, да?

— Просто... неприятные воспоминания, — пожимаю плечами, провожая взглядом удаляющийся Range Rover. — Лучше с ним не пересекаться.

— Он тебя обидел?

Что ответить? Да, этот урод растоптал меня. Унизил. Назвал шлюхой. Не поверил, когда мне это было нужнее всего.

Но с другой стороны... разве я сама не виновата? Напридумывала себе сказку. Втрескалась по уши в парня из другого мира. Думала, что я для него что-то значу.

— Это все в прошлом, — машу рукой, изо всех сил изображая безразличие. — Давай лучше вернемся к еде? Я все еще хочу те шашлычки. И может, еще тако?

Ник смотрит на меня несколько секунд. Потом кивает.

— Ладно. Пошли за шашлычками.

Тащу его обратно к шумной площади, к палаткам с едой. Но настроение уже испорчено. Легкость исчезла. В голове крутится один и тот же дурацкий вопрос: почему? Ну почему из всех ресторанов города он оказался именно в этом? Именно сегодня? Какого черта?

Глава 6. Правда

Джейден

Ключи летят на полированный столик в прихожей. Какой-то непонятный шум в глубине дома, хотя никого сегодня не должно быть. Не нравится мне это.

На цыпочках крадусь к гостиной. Дверь приоткрыта. Заглядываю и... застываю.

Марк?

Он развалился в отцовском кресле. Ноги закинул на антикварный столик. В руках планшет, что-то там с умным видом листает. И башка... башка, блядь, бритая. Под ноль. Еле узнаю его. Какой-то... чужой. Жёсткий.

— Джей.

Он поднимает глаза. И меня отпускает – на секунду. Живой. А потом тут же накрывает злостью. Горячей, едкой. Три месяца, блядь! Ни звонка, ни грёбаной эсэмэски, ничего!

— Ты откуда, нахрен, нарисовался? — захожу в комнату.

— Из академии, откуда ж ещё, — он откладывает планшет, выпрямляется. Движения чёткие, собранные. Непривычно. — Дали увольнительную на две недели. Вчера вечером приехал.

— А позвонить, написать – мозгов совсем не хватило? Я, блядь, чуть с ума не сошёл, пока тебя искал! — срываюсь.

— Первый месяц нам запрещают все контакты. Адаптация, — пожимает плечами. — А потом втянулся как-то. Времени особо не было.

Времени не было? Реально?

— Втянулся? Ты? В военную академию? — мозг всё ещё отказывается это переваривать. — Ты же ненавидел всё, что связано с режимом! Ты даже на тренировки по футболу забивал, потому что тренер "слишком много командует"!

— Люди меняются, — он встаёт. Плечи расправлены. Выше меня кажется. — Мне нужно было встряхнуться. Понять кое-что.

— И даже не попрощался? Просто свалил? Не сказав ни слова? — подхожу ближе. Так и хочется схватить за плечи, встряхнуть как следует.

— Ты бы начал меня отговаривать, — усмехается. — Там, кстати, не так паршиво, как я думал. Режим, дисциплина, чёткие правила. Никакого бухла, никакой дури. Оказалось, именно это мне и было нужно.

— Погоди... ты больше не пьёшь? — оглядываю комнату. Чисто. Ни одной бутылки, ни одного стакана с остатками виски.

— Завязал. Полностью. А ты как? Все так же перед стариком на задних лапках?

— Иди ты, — отмахиваюсь, но злость уходит. Я рад его видеть. Чертовски рад, как бы ни бесился.

Марк улыбается. Наконец-то. Вот он, проблеск прежнего Марка.

— А как там Эви? — спрашивает вдруг, снова беря в руки планшет.

Сердце пропускает удар. Эви. Какого хера он вообще о ней вспомнил? Зачем?

В голове тут же вспыхивает её образ – глаза цвета виски, когда она смотрела на меня с этим своим вызовом. Губы, припухшие от моих поцелуев. Её тело подо мной на кухонном острове... Стоп. Выдыхаю.

— С чего вдруг интересуешься? — слишком много всего внутри клокочет от одного её имени.

— Да просто спросил.

— Эви оказалась шлюхой, — слова вылетают сами.

Марк поднимает бровь, отрываясь от планшета. Во взгляде – чистое недоверие.

— Шлюхой? С чего такие выводы?

— Видел фотки, — провожу рукой по волосам, чувствуя, как снова закипает злость. — Весь универ видел. Как она отсасывает какому-то мудаку в «Розе».

— Фотки? Дай глянуть, — Марк протягивает руку.

Достаю телефон. Нахожу тот самый снимок. До сих пор храню. Сам не знаю зачем. Иногда ночью открываю, смотрю на неё на коленях и напоминаю себе: она тебе врала.

Бросаю телефон брату. Смотрит на экран. Секунду. Две. Лицо не меняется. Потом уголки губ дёргаются. Ещё секунда – и он начинает ржать. Не просто усмехаться, а ржать в голос, запрокинув бритую башку.

— Какого хрена ты ржёшь?! — внутри всё взрывается.

— Джейден, — он всё ещё давится смехом, тыча пальцем в экран. — Ты серьёзно? Блядь, ты реально из-за этой фотки решил, что она...

— Она на коленях между ног какого-то хера! Сосёт ему! Ты что, ослеп в своей академии?! — ору, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— Этот хер — я, вообще-то.

Мир останавливается. Замирает. Звуки пропадают. Смотрю на него, не в силах пошевелиться, не в силах вдохнуть.

— Что?! — слова вырываются шёпотом, царапая горло.

— Это я, Джейден, — повторяет он уже серьёзно, откладывая телефон. — В VIP-зоне "Розы". Мой телефон упал под диван, она полезла его доставать. Никто никому не отсасывал. Просто ракурс такой дерьмовый.

Марк. Это был Марк. Телефон. Она просто... поднимала грёбанный телефон.

А я...

В голове взрывается что-то. Перед глазами её лицо в клубе. Слезы в карих глазах.

Красная пелена. Ярость. Слепая, животная. Не на неё. На себя. На этого придурка напротив. На весь мир, который позволил этому случиться.

Подлетаю к Марку. Не помню, как преодолел расстояние. Хватаю за горло. Впечатываю в стену. Он хрипит, но не сопротивляется. Просто смотрит.

— Почему ты не сказал мне раньше?! — ору ему прямо в лицо, чувствуя, как трясутся руки. — Почему, блядь?! Её отчислили из-за этой фотки! Её жизнь полетела к чертям из-за твоего грёбаного телефона!

— Я был в академии, забыл? — хрипит, не отводя взгляда. — Без связи. Откуда мне было знать? Я только вчера вечером приехал. Увидел фотку только сейчас.

Ослабляю хватку. Отступаю на шаг. Медленно разжимаю пальцы. На его шее красные следы от моей руки. Тошнота подкатывает к горлу. Резкая, кислая. Отвращение к себе — такое сильное, что хочется плевать прямо здесь, на этот дорогуший персидский ковёр.

Марк потирает шею, морщась. Ноги подкашиваются. Падаю в кресло, запускаю пальцы в волосы, сжимаю до боли.

Она говорила правду. Всегда. «Я девственница». «Я никогда тебе не врала». А я ей...

— Охренеть, — Марк садится напротив. — Не думал, что всё так обернётся. Из-за такой херни...

— Ещё как охренеть, — киваю, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота.

Иду к бару. Руки всё ещё трясутся. Наливаю виски. Полный стакан. Залпом. Горло обжигает огнём, но легче не становится. Эта вина — она как кислота, разъедает изнутри. Наливаю ещё.

— Ты влюбился в неё, — Марк говорит это тихо, но слова бьют как кувалдой по голове.

— С чего ты взял? — огрызаюсь.

Наливаю вторую порцию. Виски плещется через край.

— Просёк ещё с того момента, когда застал вас на кухне. Ты на меня зыркнул так, будто убить готов был.

— Заткнись, — бурчу, сжимая стакан. — И не вздумай вспоминать её голой.

— Да расслабься ты. Я тогда ничего толком не разглядел. Ты своей тушей всю красоту заслонил.

— И слава богу.

Выпиваю второй стакан. Тоже залпом. Наливаю третий.

— Она тебя не простит, — Марк озвучивает мои мысли.

— Знаю.

И это самое хреновое. Я знаю. Эви не из тех, кто прощает легко. Она слишком гордая, слишком сильная. Она пережила столько дерьма, а я... я просто добавил ей ещё. Стал ещё одним мудаком в её и без того паршивой жизни.

Стакан в руке больше не помогает. Алкоголь не берёт. Я проебал всё. Потерял её, даже не поняв толком, что нашёл.

Сука, как же хреново. Как же, блядь, мерзко от самого себя.

Глава 7. Встреча

Эви

Теплый пар от кофемашины окутывает лицо, и я на секунду прикрываю глаза. Вдыхаю этот запах. Делаю крошечный глоток эспрессо. Идеально. Эта старая итальянская машина за стойкой иногда бесит своим нравом, но кофе варит потрясающий. Две недели в «Ла Белла», а я уже почти профи по капучино и латте. Почти.

Синьора Розетти вечно повторяет мантру: «Bella, кофе от души и улыбка от сердца – вот и весь секрет!». С кофе проблем нет. С улыбкой... ну, тут сложнее. Когда последние три месяца чувствуешь себя растоптанной и униженной, искренне улыбаться как-то не выходит. Но я стараюсь. Тренирую лицевые мышцы.

— Эви! Четвертый! Не засыпай там! — Джина проносится мимо с подносом грязной посуды, чуть не сбивая меня.

— Уже бегу! — хватаю блокнот и ручку, иду к пожилой паре у окна.

Дедушка почти не слышит, его жена с ангельским терпением повторяет заказ в третий раз, улыбаясь ему так... тепло, что внутри что-то неприятно щемит. Зависть, наверное. Что у кого-то бывает так. Без надрыва, без грязи.

Принимаю заказ, иду обратно за стойку. Здесь хорошо. Уютно. Клетчатые скатерти, пахнет выпечкой и чесноком. Мой маленький оазис.

Дзынь!

Колокольчик над дверью звенит неожиданно громко. Вздрагиваю. Машинально поднимаю голову, губы сами растягиваются в улыбке.

И улыбка застывает. Осыпается с лица.

Чёрт.

Только не он.

Сердце не просто ёкает – оно останавливается. А потом срывается в галоп где-то в горле, мешая дышать. В дверях. Стоит. Он.

Джейден.

Руки в карманах дорогого черного пальто. Темные волосы чуть растрепаны, прядь падает на лоб. И глаза. Серые. Прожигающие. Они сканируют зал. И находят меня.

Паника. Ноги сами несут меня в укрытие – за громоздкую кофемашину. Хватаюсь за стальную поверхность, пальцы холодеют. Дыши, Эви. Просто дыши. Что он здесь делает? В этой кафешке на окраине? Такие, как он, здесь не бывают. Это ошибка. Он сейчас уйдет. Уходи. Пожалуйста, уходи.

— Эви? Ты чего там? — Джина заглядывает ко мне, вытирая руки.

— Голова немного кружится, — бормочу.

Украдкой выглядываю. Не ушел. Идёт к столику. У окна. В моей зоне. Чёрт. Ну разумеется. Садится, бросает ключи и телефон на стол. Открывает меню.

— Ого, какой! — шепчет Джина восхищенно. — Твой столик.

— Слушай, может, поменяемся? А? — голос предательски дрожит. — У меня... живот что-то схватило.

— Да ты издеваешься? — Джина хмурится. — Шесть столов на мне! А у тебя – он и старички! Кончай фигней страдать, работай!

— Ладно, — выдыхаю.

Мысленно отвечаю себе пощечину. Расправляю плечи. Вдох-выдох. Пошла.

Ноги ватные. Ладони влажные. Каждый шаг к его столику – попытка. Останавливаюсь рядом, взгляд упирается в пыльное окно за его плечом. Только не смотреть в глаза.

— Добрый день. Готовы заказать?

Молчание. Он просто смотрит. И я кожей чувствую этот взгляд. Как он изучает моё лицо, шею, задерживается на груди, где сердце колотится как сумасшедшее. Зараза. Он же знает, что делает.

— Эви.

Одно слово. Низкое, с хрипотцой. Воспоминания накатывают волной. Его руки на мне, его губы, мои стоны... Нет. Заткнись, мозг!

— Что будете заказывать? — повторяю.

— Американо. И... — его взгляд снова скользит по мне, останавливаясь на губах, — сэндвич. С курицей.

Открываю блокнот. Рука дрожит, буквы плывут.

— Что-нибудь ещё? — спрашиваю, не поднимая глаз.

— Да.

Жду.

— Тебя. Минут пять.

Вскидываю голову.

— Извините, я на работе, — чеканю слова, стараясь придать голосу твёрдость. — Ваш заказ будет готов через десять минут.

Разворачиваюсь. Резко. Пока не наговорила лишнего.

— Мы уже на «вы»? — догоняет, заставляет замереть.

Медленно поворачиваюсь. Щеки горят.

— Вы клиент. Я официантка.

— Хватит этого спектакля, Эви, — его взгляд становится жёстким. — Я пришёл поговорить.

— О чём? — ногти впиваются в блокнот. Вся боль, вся обида трёх месяцев душат. — Хочешь снова рассказать мне, что я шлюха? Думаю, в прошлый раз ты высказался достаточно ясно.

Его лицо дергается. Челюсть напрягается. В серых глазах... неужели вина? Нет, показалось.

— Я был неправ. Насчёт фоток.

Что?! Воздух застревает в горле.

— Ты был неправ, — повторяю эхом. — Ты решил это спустя три месяца? После того, как из-за тебя моя жизнь полетела к чертям?

— Это не из-за меня. Я не делал те снимки.

— Нет! — усмехаюсь, чувствуя, как жгут глаза подступающие слёзы. — Ты не делал! Ты просто поверил им! Сразу! Не дал мне и шанса объясниться!

Он открывает рот, но я не даю ему сказать.

— А теперь ты приходишь сюда и думаешь, что достаточно сказать «я был неправ»?! Думаешь, это что-то меняет?!

— Я не говорил, что это что-то меняет, — голос становится тише. Он смотрит на меня так... так, что у меня внутри всё переворачивается.

Вокруг гул голосов, звон посуды, а между нами — вакуум.

— Ваш заказ будет через десять минут, — повторяю и почти бегу к бару.

Сердце колотится в ушах. Руки трясутся. Проливаю молоко. Чёрт!

— Кто этот парень? — шепчет Джина, подозрительно косясь на меня. — Ты вся дрожишь.

— Никто, — отрезаю. — Просто клиент.

Готовлю его заказ на автопилоте. Не смотреть в его сторону. Не смотреть. Но взгляд сам липнет к его фигуре. Сидит, уткнувшись в телефон. Хмурый. Напряжённый. Пальцы барабают по столу.

Поднос в руках кажется неподъёмным. Несу к его столику. Ставлю чашку и тарелку с грохотом. Кофе плещется. Да и плевать.

— Так ты поговоришь со мной? — он поднимает взгляд, и я снова тону в этом сером омуте.

— По-моему, всё уже сказано.

— Я пришёл извиниться.

— Извиниться? — кажется, я сейчас просто упаду.

— Да, чёрт возьми, извиниться! — он взъерошивает волосы. — Я должен был тебе поверить. Выслушать. Я повёл себя как полный мудака.

Стою, как соляной столб. Не могу пошевелиться. Он извиняется. Джейден. Передо мной.

— Почему сейчас? — шепчу. — Три месяца... Моя жизнь разрушена! А ты приходишь и говоришь «извини»?!

Он отводит взгляд. Смотрит в окно.

— Я был зол. Упрямый идиот. И эти фотки... я не мог... Не мог принять, что ты... с кем-то другим.

— Но я не была ни с кем другим! — голос срывается. — Я тебе правду говорила! Всегда!

— Знаю, — кивает он, снова глядя на меня. — Теперь знаю.

Между нами повисает тишина. Внутри меня настоящий ураган — злость, боль, обида и... радость? Seriously? Я рада, что он здесь?

— Как ты меня нашёл?

— Случайно, — он пожимает плечами. — Ехал мимо, зашёл выпить кофе. Не ждал тебя увидеть.

Врёт. Это слишком идеальное совпадение.

— Мне пора работать, — отступаю. — Приятного аппетита.

— Завтра приду.

Останавливаюсь. Не вопрос. Констатация факта. Его стиль.

— Зачем?

— Поговорим. По-настоящему.

Снова наши взгляды встречаются. Внутри всё дрожит.

— Не нужны мне твои разговоры, — отвечаю холодно, но голос меня предаёт. — У меня другая жизнь. Без тебя. Не приходи.

— Всё равно приду, — он делает глоток кофе.

Ухожу, не оглядываясь. Внутри пожар. Что он себе позволяет?! Явился! Извинился! Думает, этого хватит?!

Остаток смены — как в кошмаре. Путаю заказы, роняю чашки, чуть не отправляю поднос с пастой кому-то на колени. Синьора Розетти смотрит с беспокойством, но тактично молчит.

Бросаю взгляд в зал. Его столик пуст. Только белая салфетка. Разворачиваю. Два слова, его почерк: «Завтра. Два». И под ними — смятая стодолларовая купюра.

Комкаю салфетку. Деньги швыряю обратно на стол. Не возьму. Ни цента.

Но внутри что-то предательски сжимается. Завтра. В два.

Глава 8. Братский совет

Джейден

Вываливаюсь из «Ла Беллы», и ледяной ветер сразу же бьёт в лицо, но холод снаружи — ничто по сравнению с тем морозом, которым меня окатила Эви своим взглядом.

«Не нужны мне твои разговоры».

Руки мелко трясутся, и это бесит. Засовываю их глубже в карманы пальто, сжимая кулаки, пока костяшки не начинают болеть. Перехожу дорогу, почти не глядя на машины; какой-то мудила сзади истерично сигналит, хотя я успеваю проскочить. Показываю ему средний палец через плечо, даже не оборачиваясь. Пусть захлебнётся своим нетерпением.

Напротив кафешки, пафосная кондитерская с французским названием. У окна сидит Марк. Расслабленно помешивает ложечкой в чашке, делая вид, что ему страшно интересно разглядывать прохожих. Замечает меня, и на его лице расплывается улыбка. Знает ведь, зараза. Знает, что я облажался.

— Ну что, Казанова? — он скалится, когда я с грохотом отодвигаю стул и плюхаюсь напротив. — Как прошло? Она уже упала к твоим ногам и умоляет сделать её миссис Монтгомери?

— Захлопнись, — рычу, подзывая официантку. — Двойной эспresso. Без сахара.

Горло дерёт, хотя только что пил кофе. Нервы ни к чёрту. Или это просто из-за её взгляда.

— Ты реально думал, что она кинется тебе на шею?

— Я сказал, заткнись, — огрызаюсь, отворачиваясь к окну.

А ведь он прав, чёрт бы его побрал. На что я вообще рассчитывал? Что Эви, узнав, что я «был неправ», тут же забудет всё?

— Я завтра снова туда пойду, — говорю тихо, больше себе, чем ему.

— Опять? — Марк удивлённо приподнимает бровь. — Она дала добро на второй заход?

— Нет, но я приду.

Официантка ставит передо мной чашку. Делаю большой глоток. Обжигает. Горько. Идеально.

Перед глазами снова её лицо. Губы плотно сжаты, глаза полны такой смеси ненависти и боли, что меня самого передергивает. И всё равно она выглядит невероятно. Даже в этой дурацкой форме, которая скрывает её фигуру. Хотя, не так уж и скрывает. Эта обтягивающая футболка на её груди и задница в этих джинсах... Чёрт.

— Так, чисто для справки, — Марк наклоняется через стол, понижая голос. — У тебя хотя бы план есть? Или ты собираешься тупо сидеть там каждый день, пускать слюни и ждать, пока она сжалится?

— Есть идеи получше? — смотрю на него в упор.

Он откидывается на спинку стула, задумчиво крутит чашку.

— Ну, для начала неплохо бы выяснить, нет ли у неё кого. Может, она уже нашла себе нормального парня.

Кровь стынет в жилах. Эви. С другим. Какой-то хрен лапает её. Целует эти губы, которые я целовал. Обнимает её, входит в неё... Твою мать! Кулаки сжимаются так, что ногти впиваются в ладони.

— Если ты реально хочешь её вернуть...

— Её не надо возвращать! — рычу, чувствуя, как напрягаются мышцы на шее. — Между нами ничего и не было! Мы даже не...

Замолкаю. Не могу сказать вслух. Не трахались. Я так и не узнал, каково это. Быть внутри неё. И теперь, похоже, никогда не узнаю.

— А-а-а, — Марк протягивает с понимающей ухмылкой. — Так вот где собака зарыта. Ты её просто не трахнул. Это задето?

Рука дёргается.

— Можешь хоть пять минут не вести себя как мудак?

— Не-а, — он улыбается. — Это семейное.

Шутник хренов.

— Хочешь помогу? Поговорю с ней? Объясню, какой ты на самом деле... чувствительный и ранимый под маской засранца?

— Нет! Сам разберусь.

Марк смотрит на меня пристально.

— Никогда не думал, что увижу тебя таким, — говорит тихо. — Чтобы ты так... парился из-за девчонки.

— Ещё слово – и я тебе серьёзно челюсть сверну.

— Да ладно, успокойся, — он поднимает руки. — Просто... главный вопрос: нахрена тебе это? Вот серьёзно. Допустим, она тебя простит. Допустим, вы снова начнёте, ну, что вы там делали. Что дальше? Ты хоть на секунду задумался о чём-то большем, чем просто перепихнуться?

Его вопрос бьёт под дых. Серьёзные отношения? С Эви? Мысль об этом кажется дикой, нереальной.

— Не знаю, — признаюсь честно, отводя взгляд. — Просто хочу для начала хотя бы нормально извиниться.

— А если простит? Если сама захочет быть с тобой? Не просто секса, а... ну, ты понял. Что тогда?

Выдыхаю. Марк копает прямо туда, куда я сам боюсь заглядывать.

— Разберусь, когда до этого дойдёт.

— Прямо как отец.

Что?!

— То есть? — резко поворачиваюсь к нему.

— Ты ведёшь себя точь-в-точь как он, — во взгляде брата нет злости. — «Хочу эту игрушку». Получил – поиграл – выбросил. Или не получил – и бесишься, пока не добьёшься своего. А потом всё равно выбрасываешь или ломаешь.

Внутри всё леденеет. Сравнение с отцом – это хуже удара под дых. Это как нож в спину. Неужели я правда такой? Неужели Эви для меня – просто очередной каприз?

— Я не он.

— Тогда подумай, — Марк смотрит прямо в глаза. — Чего ты на самом деле от неё хочешь? Прежде чем снова лезть в её жизнь. Она и так настрадалась.

Смотрю в пустую чашку. Он прав. Чёртов Марк прав. Я должен понять. Чего я хочу? Просто секса? Или... чего-то большего? Мысль о «большем» вызывает внутри странный дискомфорт.

— Академия тебя изменила.

— Да уж. Мозги на место встают, когда тебя три месяца муштруют как скотину. Начинаешь ценить простые вещи.

В голове всплывает мысль о Софи. О маленьком Джозефе, который растёт без отца. Который – копия Марка. Надо рассказать.

Но нет. Не сейчас. Сначала – Эви. Нужно разобраться с этим. А потом... потом я поговорю с Марком. Обязательно.

— Странно видеть тебя таким.

— Каким?

— Взрослым, что ли, — усмехаюсь. — Рассуждающим об отношениях.

Марк только хмыкает в ответ.

Глава 9. Домашняя терапия

Эви

Ключ снова застревает в этом дурацком замке. Дёргаю сильнее. Наконец раздаётся знакомый скрежет, и я буквально вваливаюсь в квартиру, отшвыривая сумку к стене. Ноги гудят после шести часов на ногах в кафе, но усталость тела — это ничто по сравнению с хаосом, который творится в голове после сегодняшней встречи. Джейден. Он снова в моей жизни. Как будто этих трёх месяцев кошмара и не было.

Щёлкаю выключателем. Тусклая лампочка под потолком мигает пару раз, заливая комнату этим своим депрессивным желтоватым светом. На моей подушке, нагло развалившись, спит Снежок.

— Ты даже не представляешь, кого я сегодня видела, — скидываю кроссовки, которые успели превратить мои ноги в кровавое месиво, и с наслаждением шевелю пальцами.

Снежок лениво приоткрывает один глаз, окидывает меня взглядом, полным королевского презрения, и снова проваливается в сон. Ему всё равно. У него своя жизнь, полная важных кошачьих дел: найти самое солнечное место на подоконнике, убедиться, что миска никогда не пустует.

Плечусь к холодильнику. Открываю дверцу и вздыхаю. Забыла сходить в магазин. Только пакет молока, которому явно скоро конец, и полупустая банка оливок. Потрясающий ужин. Закрываю холодильник и бреду обратно к дивану. Плюхаюсь рядом со Снежком, который снисходительно позволяет себя погладить.

— Представляешь, он заявился в «Ла Белла», — провожу рукой по его невероятно мягкой шерсти. Кот начинает мурчать, и эта тихая вибрация немного успокаивает бурю внутри. — Сказал... что был неправ.

Сжимаю пальцы на кошачьей спине. Снежок прикрывает глаза. Ему плевать. Его никто не обвинял в том, чего он не делал.

— Сказал, что придёт завтра в два, — вздыхаю, почёсывая мурлыку за ушком. — Как думаешь, придёт? Или просто издевается?

Кот приоткрывает один глаз. Во взгляде читается: «А тебе не всё равно?»

И правда. Какая мне разница? Джейден Монтгомери – это ошибка. Прошлое. Точка. У меня новая жизнь. Учёба. Работа. Даже почти свидание с Ником было...

Ник. Он классный парень. Правда. Весёлый, нормальный. С ним так легко говорить, так просто смеяться. Никаких недомолвок, взглядов, от которых подкашиваются колени. Он... не Джейден. И это, наверное, хорошо. Правильно. Но...

Плечусь в ванную. Смотрю на своё отражение в треснутом зеркале. Под глазами – синяки от вечного недосыпа. Кожа бледная, какая-то тусклая. Волосы – просто кошмар. Выгляжу на десять лет старше своих двадцати.

Но было что-то сегодня во взгляде Джейдена...

Говорят, время лечит. Враньё. Время ничего не лечит. Оно просто притупляет боль, затягивает раны тонкой плёнкой, которая рвётся от любого неосторожного прикосновения. Как сегодня. Один его взгляд – и всё снова болит, ноет, кровоточит.

Возвращаюсь в комнату. Снежок уже растянулся на всю подушку, оставив мне лишь крошечный уголок.

— Эй, белый узурпатор, подвинься немного, — толкаю его.

Кот недовольно мяукает, но всё же перекатывается, освобождая мне узкую полосу дивана. Какая щедрость.

— Я ведь полная дура, — шепчу, чувствуя, как к горлу подкатывает знакомый комок. — Я хочу, чтобы он пришёл завтра. Мне до чёртиков интересно, что он ещё скажет. И я ненавижу себя за это.

Снежок неожиданно подползает ближе, кладёт свою тёплую морду мне на плечо. Его дыхание щекошет кожу. Он мурчит громче, и эта вибрация немного успокаивает бешеный стук сердца. Глажу его по спине, зарываясь пальцами в мягкую, густую шерсть.

— Может, завтра просто не пойти на работу? Позвонить синьоре, сказать, что отравилась. Что думаешь?

Но даже произнося это, понимаю – не смогу. Не позволю ему снова так влиять на мою жизнь. Не буду прятаться.

— Знаешь, что самое непонятное? — продолжаю свой сеанс кошачьей психотерапии. — Он ведь помог Брэдли. По-настоящему. Довёл дело с Риком до конца. Адвокат этот, Козн, приходил снова и снова.

Кот щурится, будто внимательно слушает мои излияния.

— Брэдли орал на него, выгонял, а тот всё возвращался и твердил: «Мистер Монтгомери всё оплатил. Мы доведём это дело до приговора».

Тринадцать лет. Рик получил тринадцать лет тюрьмы. Это почти чудо. Но зачем Джейден это сделал? Если я для него была просто лживой шлюхой... зачем ему помогать моему брату? Зачем тратить столько денег, времени, нервов?

Снежок вдруг спрыгивает с дивана. Лениво потягивается, выгибая спину, и трусцой бежит на кухню. Слышится звон пустой миски. Понятно. Ужин по расписанию важнее моих экзистенциальных кризисов.

Закрываю глаза. И снова он. Джейден. Серые глаза, смотрящие прямо в душу. Упрямая линия челюсти. Губы, вкус которых я помню слишком хорошо...

Чёрт. Почему он не выходит из головы? Почему?

Глава 10. Ни-че-го. Не было

Джейден

Глушу мотор у ворот общаги и откидываюсь на сиденье. Из окон уже несется какой-то рэп, басы долбят так, что обшивка машины вибрирует. Отлично. Лучшего момента для возвращения и не придумаешь.

Хлопаю дверью громче, чем нужно, и нехотя бреду ко входу. Ноги чугунные. Внутри — ожидаемый хаос. Воздух густой, спёртый — смесь пота, дешёвого пива, травки и приторных женских духов, от которых першит в горле. Музыка орёт так, что уши закладывает. Какие-то тела трутся друг о друга на импровизированном танцполе в холле, в тёмных углах кто-то страстно целуется, не обращая внимания на окружающих. Ад на земле. Или просто обычная студенческая тусовка. Раньше я бы влился без проблем, но сейчас хочется просто дойти до комнаты.

— Монтгомери! Живой!

Дёргаюсь от знакомого голоса. Люк. Уже никакой. Стоит, опираясь о стену, чтобы не упасть, и машет мне стаканом с какой-то мутной жижей. Глаза стеклянные, улыбка идиотская.

— Ты где пропадал, мать твою?! Мы тут уже третий круг пошли! Картер где-то чистый спирт раздобыл! Говорит, с ног сшибает после второго глотка! Держи!

Он сует мне под нос свой вонючий стакан.

— Не сегодня, Люк, — отмахиваюсь, пытаюсь протиснуться дальше.

Пробираюсь сквозь липкую, потную толпу. Кто-то толкает плечом, кто-то наступает на ногу. Плевать. Цель одна — моя комната. Тишина. И чтобы никто не трогал.

Посреди коридора парочка решила устроить прелюдию прямо на глазах у всех. Парень уже залез рукой ей под юбку, а девчонка стонет так громко и театрально, что меня аж пере-дергивает.

И тут я её вижу. Скарлетт. Стоит в компании своих вечных прихлебательниц — Оливии и Блэр. Идеальные укладки, макияж, платья, еле прикрывающие задницы. Обсуждают что-то, стреляя глазами по сторонам. Наверняка перемывают кости кому-нибудь или выбирают, кого ошастливит своим вниманием сегодня ночью.

Наши взгляды встречаются. Вижу, как её лицо мгновенно меняется. Губы растягиваются в приторной улыбке, глаза загораются знакомым хищным блеском. Шепчет что-то своим куклам и плывёт ко мне навстречу, покачивая бёдрами. От одного её вида внутри всё сжимается от раздражения.

— Джейден. Я уж думала, ты не придёшь.

— Я здесь живу, если ты забыла, — бросаю сухо, делая шаг в сторону. Хочу пройти мимо, но она преграждает дорогу.

— Ты меня избегаешь, — её рука касается моей груди. — Не отвечаешь на звонки, игнорируешь сообщения. Почему?

— Может, потому что не хочу с тобой общаться? — убираю её руку. — Это недостаточно веская причина?

Скарлетт делает вид, что моих слов не существует.

— Папа вчера спрашивал о тебе. Ты не пришёл на ужин, он волновался.

Ага, конечно. Волновался он. Годами её папаша пытается втереться в нашу семью.

— Передавай ему привет.

— Приезжай завтра. Поужинаем вместе, — она закусывает нижнюю губу, пытаюсь выглядеть соблазнительно.

— Я занят.

— Опять? Чем же? Или... кем? — её глаза сужаются, в них появляется сталь.

И тут до меня доходит. Щёлкает в голове. Фотки Эви. Та грязь, которую на неё вылили. Это же её стиль. Подлый, из-под тишка. Она ненавидела Эви с первого дня. Ревновала. Угрожала.

— Слушай внимательно, Скарлетт, — наклоняюсь к ней, понижая голос до ледяного шёпота. — Моя личная жизнь тебя не касается. Никак. Совсем. Поняла?

— Значит, всё-таки новая игрушка? — она кривит губы в презрительной усмешке. — Кто на этот раз? Очередная пустышка с силиконовыми сиськами? Или снова что-то... попроще? Из грязи?

Кровь стучит в висках. Ярость поднимается из глубины, грозя смести всё на своём пути.

— Отвали, Скарлетт, — цежу сквозь зубы. — Я просто хочу пройти в свою комнату. Дай дорогу.

Она делает ещё один шаг ко мне, прижимается грудью.

— Ты не можешь меня игнорировать, Джейден! — её голос становится громче, привлекая внимание окружающих. — Мы созданы друг для друга! Все это знают! И ты вернёшься ко мне! Рано или поздно!

Несколько человек оборачиваются. Вот оно. Публика. То, что ей нужно. Драма. Сцена.

— Между нами. Ни-че-го. Не было, — произношу медленно, чётко, достаточно громко, чтобы слышали все. — И не будет. Никогда.

— Да неужели?! А те ночи?! Когда ты трахал меня до рассвета?! Когда заставлял меня кончать снова и снова?! Уже забыл, да?!

Вот же тварь. Решила играть по-крупному? Ну что ж. Сама напросилась.

— Я трахал тебя, — говорю нарочито громко, оглядывая затихшую толпу. — Как и многих других. Это не делает тебя особенной, Скарлетт. Кстати, Оливию я тоже трахал, — киваю на её подружку, которая застыла с открытым ртом. — И Блэр тоже, — добавляю, глядя на вторую. — И они почему-то не устраивают истерик посреди коридора.

Лицо Скарлетт искажается от ярости. Щёки заливают краска. Она открывает рот, но не может выдать ни слова. Победа. Грязная, мерзкая, но победа.

Разворачиваюсь и иду к своей комнате, расталкивая любопытных. За спиной – гробовая тишина. Даже музыка, кажется, стихла.

В голове пульсирует только одно имя. Эви. Её глаза. Её голос, когда она говорила:

«Я тебе правду говорила. Всегда».

А я... я повёл себя как последний мудака. Поверил не ей, а каким-то фоткам. И кто их сделал? Скорее всего, та, что сейчас стоит посреди коридора и испепеляет меня взглядом.

Глава 11. Ожидание

Десять минут второго. Паркую тачку напротив этой её «Ла Беллы» и глушу мотор. Припёрся раньше. Идиот. Сказал же – в два. Теперь сидеть тут, как последний сталкер, и пялиться на эти дурацкие занавески в красно-белую клетку? Или нарезать бессмысленные круги по этому убогому району?

Откидываюсь на сиденье, закрываю глаза.

Нет, круги нарезать не буду. Буду сидеть здесь. Ждать. Ровно до двух.

Что я ей скажу? «Эви, я мудак, прости»? Банально до тошноты. «Эви, я не знал, что это Марк на фотке»? Жалкая попытка оправдаться. «Эви, я не могу выкинуть тебя из головы, меня кроет без тебя»? Слишком... честно. Опасно. Я не привык быть честным даже с самим собой, не то что с ней.

Ровно в два выхожу из машины. Чёрт, ладони потные.

Колокольчик над дверью противно дзынькает. Внутри пахнет кофе, чесноком и чем-то сладким. Эви стоит за стойкой, протирает кофемашину. Замечает меня, и её рука на мгновение замирает. Лицо каменеет. Она не удивлена. Ждала. И явно не с распростёртыми объятиями.

Иду к столику у окна. Тот самый, за которым сидел вчера. Пусть видит, что я не отступлю. Сажусь, бросаю ключи на стол.

Подходит другая официантка. Слишком яркая помада, слишком короткая юбка. Стреляет в меня глазами так откровенно, что становится противно.

— Добрый день, — мурлычет. — Что будете заказывать?

— Американо.

Смотрю мимо неё. Прямо на Эви. Та демонстративно отвернулась, делает вид, что страшно занята сортировкой салфеток. Её плечи напряжены, спина прямая как струна.

— Может, что-нибудь из десертов? Наш тирамису сегодня просто божественный, — красногубая наклоняется чуть ниже, демонстрируя ложбинку.

— Сэндвич, — бросаю, не глядя на неё. — Любой.

Она явно разочарована моим отсутствием интереса. Поджимает губы и уплывает.

А я снова смотрю на Эви. Не могу оторваться. Это как наваждение. Как наркотик. Просто смотреть на неё. На то, как она двигается. Как поправляет волосы. Как закусывает губу, когда концентрируется на чём-то. Вспоминаю её вкус, её запах, её стоны... Член мгновенно твердеет в джинсах. Блядь.

Она чувствует мой взгляд. Я знаю это. Её движения становятся резче, скованнее. Но она не оборачивается. Упрямая зараза. И это бесит. И заводит одновременно. Как и раньше.

— Ваш американо, — красногубая ставит чашку на стол. — Сэндвич через пару минут.

Делаю глоток. Горько. Обжигает. Как раз то, что нужно.

Приносят сэндвич. С тунцом. Ненавижу тунца. Но механически начинаю жевать. Просто чтобы чем-то занять руки, рот. Чтобы не пялиться на неё так откровенно. Хотя кого я обманываю? Всё равно пялюсь.

Проходит час. Я заказываю ещё кофе. Потом ещё. Потом какой-то чай с бергамотом. Потом десерт, к которому даже не притрагиваюсь. Красногубая уже смотрит на меня как на сумасшедшего. Наверное, думает, что я маньяк, преследующий бедную официантку. Да и хрен с ней. Пусть думает.

Эви старательно меня игнорирует. Обслуживает другие столики, улыбается клиентам, болтает с кем-то за стойкой. Но я вижу, как она иногда бросает на меня быстрые, косые взгляды. Вижу, как поджимает губы, когда наши глаза случайно встречаются.

Восемь вечера. Девять. Посетители потихоньку расходятся. В кафе становится тише. Эви начинает убирать со столов, протирать стойку.

Я уже готов сорваться. Встать, подойти, схватить её за руку и потребовать, чтобы она наконец поговорила со мной. Но сдерживаюсь. Давление – не лучший метод. Не с ней.

Она исчезает в подсобке. Жду. Пять минут. Десять. Начинаю нервничать. А вдруг она ушла через чёрный ход? Сбежала? От неё можно ожидать чего угодно.

Но вот она выходит. Уже без формы. В своей дурацкой мешковатой толстовке и потёртых джинсах.

Она прощается с коллегами, берёт свой рюкзак и идёт к выходу. Не смотрит в мою сторону.

Бросаю на стол несколько купюр и выхожу следом. Ветер холодный, пронизывает до костей. Эви идёт быстро, засунув руки в карманы, низко опустив голову.

— Эви!

Она останавливается. Медленно оборачивается. Её плечи напряжены.

— Чего тебе ещё, Монтгомери? — голос тихий, но в нём сталь.

Подхожу ближе. Расстояние между нами – пара шагов.

— Я же сказал, что приду. Нам надо поговорить.

— Слушаю, — она стоит неподвижно, глядя мне прямо в глаза. Без страха. Без ненависти. Просто... пустота. И это хуже всего.

— Где ты сейчас учишься? — выпаливаю первое, что приходит в голову. Тупой вопрос. Знаю.

Она скептически приподнимает бровь.

— Ты просидел в кафе почти восемь часов, пялясь на меня, чтобы спросить это?

— Я волнуюсь, — слова звучат непривычно даже для меня самого.

— Волнуешься? — она криво усмехается. — Три месяца назад тебя это не сильно волновало.

— Эви...

— Вестбридж, — бросает, отводя взгляд. — Перевелась после Беркли. Доволен? Теперь отстанешь?

Вестбридж. Местный колледж. Не самое лучшее место для её мозгов.

— И как там?

— Как будто тебе не всё равно, — она качает головой. В её глазах плещется такая усталость, что мне становится не по себе. — Слушай, Джейден, если это всё, то я пойду. У меня автобус скоро.

— Ты знаешь, кто сделал те фото? — спрашиваю резко, инстинктивно делая шаг вперёд.

Боюсь, что она сейчас просто уйдёт. Исчезнет. Да и нужно подтвердить свою догадку. Вдруг Эви в курсе, кто её так подставил.

Она замирает. В глазах что-то вспыхивает.

— Тогда тебе было плевать, помнишь? Ты даже не спросил. Ты просто поверил.

— Теперь я знаю, что это подстава, — говорю тихо.

— И откуда такая перемена мнений? — её взгляд снова становится колючим.

— Марк рассказал.

На её лице удивление.

— Почему он не сказал раньше?

— Он был в академии. Три месяца без связи. Вернулся только недавно.

Кривая усмешка снова появляется на её губах. Она прячет руки глубже в карманы. Плечи вздрагивают. От холода? Или от чего-то другого?

Молчание. Тяжёлое, неловкое. Ветер треплет её волосы, прядь падает на лицо. Она нетерпеливо заправляет её за ухо. Залипаю на этом движении. На её тонкой шее. На линии губ. Чёртово наваждение.

— Мне пора, — она смотрит на часы на своём стареньком телефоне, не мой подарок. Продала его? Или просто не хотела ходить с напоминанием обо мне?

— Я подвезу.

— Не надо.

— Эви, — останавливаю её, когда она поворачивается. — Я не прошу прощения. Знаю, что не заслужил. Я просто хочу... — запинаясь. Что я хочу? — Хочу знать, что с тобой всё в порядке. Что ты справляешься.

Она смотрит на меня через плечо. Долго. Изучающе. В её глазах снова мелькает что-то непонятное.

— Зачем?

— Потому что мне не похер, — выдыхаю. Это самое честное, что я могу сказать.

— Ясно, — она разворачивается и уходит к остановке.

— Могу я прийти завтра? В кафе? — кричу ей вслед.

Она останавливается у края тротуара. Не оборачивается.

— Я не могу запретить тебе приходить в общественное место, — её голос почти тонет в шуме проезжающей машины.

И уходит. Не могу запретить. Это не «да». Но и не «нет». Значит, шанс ещё есть. Маленький. Но есть.

Глава 12. Подвезти

Эви

Ладонь Зои мелькает перед моим лицом, вырывая из очередного лабиринта мыслей о вчерашнем.

— Эви!

Моргаю несколько раз. Чёрт, опять зависла. Голова словно заезженная пластинка — крутит и крутит вчерашний разговор с Джейденом. Его "мне не похер" сперва скручивает всё внутри, а потом — вот что реально бесит — внутри разливается какое-то дурацкое тепло.

— Прости, — отпиваю ту бурду, что здесь выдают за кофе. На вкус как разбавленный картон. — Не выпалась просто.

Зои придвигается ближе, голос переходит на шёпот:

— Ты просто обязана пойти в пятницу к Тому. Будет нереально круто! Даже ребята из Беркли притащатся.

Беркли. Одно это слово — и желудок сворачивается в комок. Меня буквально выворачивает от одного названия. Все эти воспоминания разом накрывают с головой.

— И они не просто так придут, — Зои продолжает тараторить. — Обещали притащить нормальный виски! Представляешь? Не то пойло, что обычно пьют наши.

— Слушай, я не смогу, — отодвигаюсь. — В субботу рано на смену в «Ла Белла».

— Да ты издеваешься! Вечно эти твои отмазки! Я уже всем раструбила, что ты придёшь.

Раздражение поднимается мгновенно. Какого чёрта она вообще распоряжается моим временем?

— С каких пор ты решаешь, куда мне ходить? Я в жизни не была ни на одной из ваших попок, с чего ты взяла, что...

Слова застревают в горле. Воздух в коридоре будто сгущается, электризуется. Все вокруг резко затихают. Девчонки сбиваются в кучки, шепчутся и хихикают, бросая взгляды в сторону входа. Оглядываюсь туда, куда устремлены все глаза.

Твою ж...

Джейден. Стоит у стойки администратора. Высокий, широкоплечий в этой своей дурацкой футболке, что обтягивает каждую мышцу. Тёмные джинсы сидят точно по фигуре. Волосы небрежно взъерошены. Он что-то говорит Марте, а та тает прямо на глазах, глупо хихикая.

Сердце бьётся как бешеное. Бум-бум-бум. Словно хочет выпрыгнуть и убежать быстрее меня.

— Черт, кто это такой? — Зои чуть ли не пускает слюни, толкая меня локтем. — Боже, какие плечи! А задница... Я сейчас в обморок грохнусь.

— Звонок был, надо идти, — выдавливаю из пересохшего горла, хватая рюкзак.

— Какой звонок? — Зои таращится на меня как на идиотку. — До пары ещё полно времени! И вообще, я с места не сдвинулась, пока не выясню, кто этот красавчик.

И тут, как в дешёвой мелодраме, Джейден медленно поворачивает голову. Его взгляд сканирует толпу и мгновенно находит меня. Будто у него радар. Остаются только его серые глаза, впившиеся в мои. От этого взгляда меня прошивает электрическим разрядом, и я вздрагиваю всем телом.

Чёрт, чёрт, чёрт.

— Мне в туалет срочно надо, — вскакиваю с места. — Увидимся на паре.

— Эви, стой! Ты куда?! — кричит Зои мне вслед.

Уже бегу. В противоположную от него сторону, расталкивая толпу студентов. Отличный план, Эви. Тактика страуса — голову в песок. Просто верх зрелости.

Коридоры путаются, сворачиваю за угол, потом ещё за один. Чем дальше, тем лучше. Главное – подальше от него. Зачем он вообще припёрся?

Ныряю в узкий боковой коридор, ведущий к запасному выходу. Почти добираюсь до двери. Хватаюсь за ручку и...

— Эви.

Его голос бьёт по нервам, как ток. Низкий, властный. Не вопрос – приказ. По позвоночнику пробегает электрический разряд, колени превращаются в желе. Предательское тело. На чьей ты вообще стороне?

Очень медленно поворачиваюсь.

Джейден стоит в паре шагов. Ни капли не запыхался, зараза. Волосы растрёпаны сильнее обычного, глаза темнее, чем я помню. И взгляд этот... оценивающий. Словно решает, что со мной делать дальше.

— Чего тебе надо? — прижимаюсь спиной к холодной двери. Некуда отступать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.